

ЧУВСТВО ВИНЫ ПЕРЕД ПРИРОДОЙ В КУЛЬТУРЕ АНТИЧНОСТИ И РЕНЕССАНСА

Образы Рая, «золотого века», «доброе старое время» всегда ассоциировались с жизнью в гармонии с природой. Однако, как понималась эта гармония в разные эпохи и когда к ностальгическим мечтам о былом стали примешиваться сожаление о неподобающем отношении к природе и чувство вины перед ней?

Гесиод, описывая время правления Кроноса, когда на земле жило золотое поколение (золотой род), говорит о природе как о доброй щедрой матери, дающей своим чадам все необходимое для жизни. В это время земля сама давала обильный урожай, а людям оставалось лишь спокойно собирать его и присматривать за многочисленными стадами: «Большой урожай и обильный / Сами давали собой хлебодарные земли. Они же, / Сколько хотелось, трудились, спокойно собирая богатства, – / Стад обладатели многих, любезные сердцу блаженных».[3, с.53]

Римляне заимствовали этот сюжет, существенно изменив его и обогатив новыми смыслами. Они не только называли правление Кроноса Сатурновым царством и Золотым веком. Они иначе расставили акценты и актуализировали содержание мифа.

В первой главе «Метаморфоз» Овидия содержится одно из наиболее развернутых описаний Золотого века. Здесь многое заимствовано у Гесиода: идеальный климат, плодородная почва, изобилие. Однако главное не это. Овидий начинает свой рассказ с того, что позже назовут «естественным правом»: в эпоху Золотого века люди обходились без законодательства и, повинаясь природному чувству справедливости, поступали как должно: «Первым век золотой родился, не знавший возмездий, / Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду, и верность. / Не было страха тогда, ни кар, и

словес не читали / Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая / В страхе решенья судьи, – в безопасности жили без судей» [6, с.101]

Другая особенность Золотого века – отсутствие войн: «Упражнений военных не зная, / Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди».[6, с.101]

Естественное право и всеобщий мир – прямое следствие бережного и благоговейного отношения к природе. Люди не обрабатывали землю, принуждая ее давать больше, чем она может и хочет: свободная земля сама, без принуждения, давала все необходимое: «Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой, / Плугом не ранена, все земля им сама приносила».[6, с.101]

Кроме того, в эпоху Золотого века не было мореплавания. Овидий осуждает это занятие не в силу его опасности для человека. Мореплавание – явное нарушение законов природы: сосна, которая растет на возвышенностях, должна, повинуюсь прихоти человека, плавать по морю: «И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы / С гор не спускалась своих сосна на текущие волны».[6, с.101]

Далее Овидий, следуя схеме Гесиода, описывает нравственную деградацию человечества: за золотым веком следует серебряный, затем медный, затем век беспощадных войн и, наконец, современность – железный век, самый преступный и жестокий. Однако, если у Гесиода в центре внимания распад традиционных межличностных связей и конфликт поколений, то у Овидия «грехопадение» начинается с нарушения человеком природного равновесия и порядка: люди стали обрабатывать и делить землю и буквально все перевернули с ног на голову: растущие на горах сосны заставили плавать по воде, а полезные ископаемые, спрятанные в недрах земли, извлекли наружу. Результаты не заставили себя долго ждать: попытка покорить природу и изменить ее законы породила вкус к богатству и жажду наживы, которые стали главной причиной всех нынешних и грядущих бедствий: « Начали парус вверять ветрам (...), и на высях стоявшие горных / На непривычных волнах корабли закачались впервые. / Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух, / Длинной межою поля землемер осторожный разметил. / И от богатой земли не одних урожаев и

должной / Требовать стали еды, но вошли в утробу земную. (...) / Стали богатства копать, – ко всякому злу побужденье!»[6, с.102]

Те же идеи и образы мы встречаем в одной из любовных элегий Овидия, где поэт, сетуя на неверность возлюбленной, которая предпочла ему богатого воина, вспоминает Золотой век, когда царил мир, ценилась поэзия и люди жили в гармонии с природой, не покушаясь на ее свободу.

В век, когда в небесах Сатурн господствовал старый,
В недрах ревниво земля много богатств берегла.
Золото и серебро и медь и железо таились
Рядом с царством теней, – их не копали тогда.
То ли земные дары: пшеница, не знавшая плуга;
Соты, доступные всем, в дуплах дубовых; плоды...
Землю в то время никто сошником могучим не резал,
Поля от поля межой не отделял землемер.
Не бороздило зыбей весло, погруженное в воду.
Каждому берег морской краем казался пути.
Против себя ты сама искусилась, людская природа,
И одаренность твоя стала тебе же бедой.
Вкруг городов для чего воздвигаем мы стены и башни,
Вооружаем зачем руки взаимной враждой?
Море тебе для чего? Человек, довольствуйся сушей.
В третье ли царство свое мнишь небеса превратить? [5, с.87]

С чувством вины перед природой и списком преступлений против нее можно встретиться и у Вергилия, в четвертой эклоге «Буколик». Предсказывая наступление Золотого века, поэт говорит о примирении с природой: люди перестанут обрабатывать землю и заниматься мореплаванием: «Море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут / Мену товаров вести – все всюду земля обеспечит. / Почва не будет страдать от мотыг, от серпа – виноградник; / Освободит и волов от ярма хлебопашец могучий».[2, с.41]

Насилие над природой разжигает жажду наживы и приводит к роскоши, которая является главной болезнью нынешнего века, – такова основная идея Сенеки. Полемизируя с Посидонием, утверждавшим, что ремесла и искусства, изобрели мудрецы, философ утверждает: «Счастлив был век, еще не знавший архитекторов. (...)Под соломой жили свободные, под мрамором и золотом живут рабы. (...) Мы рождены на все готовое, но, пресытившись легко

доступным, обрекли себя на трудности. (...) Страсть к роскоши отошла от природы, она ежедневно сама себя разжигает и растет уже много веков, изобретательностью способствуя порокам. (...) Земля, пока ее не обрабатывали, была плодороднее, и простора хватало всем народам, не расхищавшим ее. (...) Оружье оставалось праздным, руки не обагривались человеческой кровью, и вся ненависть обращалась против диких зверей. (...) Мы ворочаемся под нашим пурпуром (...), а им как сладко спалось на твердой земле! (...). Ни у кого не было домов в размер города – был воздух, и вольное дыхание на просторе, и легкая тень скалы либо дерева, и прозрачные источники, и ручьи, не загрязненные ни канавами, ни трубами, и луга, красивые без всякого искусства, и среди них – грубая хижина, сложенная неумелой рукой. (...) А теперь само жилище есть одна из первых причин нашего страха». [8, с.539-540]

В Средневековье стремление к жизни в гармонии с природой сохранилось, однако чувство вины перед ней несколько притупилось: чувства вины перед Богом было более чем достаточно. В эпоху Ренессанса оно возникло вновь. Отчасти это связано с возрождающимся культом природы и восприятием ее как самостоятельной разумной силы, отчасти – с новым прочтением античных авторов.

Леон Баттиста Альберти в диалоге «Теодженио» дает человеку уничижительную характеристику, не менее страстную, чем многочисленные апологии, прославлявшие его неограниченные возможности и власть над природой. Человек, считал Леон Баттиста Альберти, противопоставил себя природе, став смертельным врагом всему живому и самому себе: «Нет существа, столь же ненавидимого всем другими, как человек. Добавь еще, сколь пагубен человек для самого себя со своим честолюбием, стяжательством и непомерным желанием жить в удовольствиях и безделье (...). Другие животные довольствуются тем, что им полагается; только человек в вечной погоне за новым сам себе приносит вред. Не довольствуясь всей ширью земли, он хочет добыть все под землей, под водой, в горах, силится подняться выше облаков. (...) О беспокойное и неудовлетворенное никаким своим состоянием и

положением существо! Иной раз, когда природе надоедает неумная дерзость, присущая нам, желающим знать все ее тайны, направлять и подделывать ее, она изыскивает новые бедствия, дабы избавить себя от наших забав, а заодно научить уважать ее. Что за глупость смертных, ищущих знать, когда, как и какой смысл и какая цель всякого установления и предприятия Бога. (...) Природа упрятывает золото, металлы и другие минералы; мы же извлекаем их наружу. Она рассыпала камни-самоцветы, сообщив им формы, которые ей, замечательной художнице, показались наиболее подходящими. Мы же, кромсая, даем им новую отделку и форму. Она установила различия деревьев и плодов; мы их скрещиваем. (...) Сосны бежали на высокие горы, расположенные вдали от моря; мы же их стаскиваем, словно бы только для того, чтобы они мокли в морской воде. Залежи мрамора находятся в земле; мы же его располагаем на фасадах храмов. И так нам противна всякая природная свобода, что мы смеем обращать в рабов даже самих себя. (...) Свою утробу человек хочет превратить в общую могилу всех вещей, трав, плодов, птиц, рыб. Ни под землей, ни над землей нет ничего, чтобы он ни пожирал. Смертельный враг тому, что он видит и чего не видит, он стремится все поработить. Враг человеческому роду, враг самому себе». [1, с.130-136]

В этом фрагменте мы встречаем знакомую нам критику мореплавания и добычи полезных ископаемых как переверачивания природного порядка с ног на голову, а также идею о связи экологических и социальных проблем, которая встречается уже у римских авторов. Однако Альберти дополняет список преступлений человека против природы: выведение новых сортов растений и попытки усовершенствовать ее посредством ювелирного искусства. Однако главное преступление – неумная жажда познания и связанное с ней стремление к порабощению: окружающего мира, других людей и, в конечном итоге, самого себя.

Мысль Леона Баттисты Альберти о том, что мы, люди, не лучше, а хуже других живых существ и не вправе считать себя их господами, развивает Мишель Монтень. Самомнение человека, ставящее его в центр мироздания, –

нелепая иллюзия: «Кто уверил человека, что это удивительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил, этот грозный ропот безбрежного моря, что все это сотворено и существует столько веков для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах даже управлять собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой Вселенной (...)! На чем основано то превосходство, которое он себе приписывает, полагая, что в этом великом мироздании только он один может воздавать хвалу его Творцу и отдавать себе отчет в возникновении и распорядке вселенной? (...) Есть ли в этом жалком существе хоть что-нибудь достойное такого преимущества? (...) Самомнение – наша прирожденная и естественная болезнь. Человек – самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное. Человек видит и чувствует, что он помещен среди грязи и нечистот мира (...), и однако же мнит себя попирающим небо. По суетности того же воображения он равняет себя с Богом, приписывает себе божественные способности, отличает и выделяет себя из множества других созданий, преуменьшает возможности животных, своих собратьев и сотоварищей, наделяя их такой долей сил и способностей, какой ему заблагорассудится. Как он может познать усилием своего разума внутренние и скрытые движения животных? На основании какого сопоставления их с нами он приписывает им глупость? (...) Трудно сказать, кто виноват в том, что люди и животные не понимают друг друга, ибо ведь мы не понимаем их так же, как и они нас. На этом основании они так же вправе считать нас животными, как мы их. (...) Нужно признать равенство между нами и животными: у нас есть некоторое понимание их движений и чувств, и примерно в такой же степени животные понимают нас. (...) Те преимущества, которые человек из самомнения произвольно приписывает себе, просто не существуют; и если он один из всех животных наделен свободой воображения и той ненормальностью умственных способностей, в силу которых он видит и то, что есть, и то, чего нет, и то, что он хочет, истинное и ложное вперемешку, то

надо признать, что это преимущество достается ему дорогой ценой и что ему нечего им хвалиться, ибо отсюда ведет свое происхождение главный источник угнетающих его зол: пороки, болезни, нерешительность, смятение и отчаяние». [4, с.317-321]

С тех пор, как европейцы впервые задумались о проблемах экологии, прошло, по меньшей мере, две тысячи лет. Однако доводы рассудка по-прежнему бессильны перед древней иллюзией человека о своем центральном положении в мире и праве изменять законы природы. И сейчас, как никогда, актуальны слова Паскаля: «Наше достоинство не в овладении пространством, а в умении разумно мыслить»[7, с.237]

Источники

1. Альберти Леон Баттиста. Теодженио // Кудрявцев О.Ф. Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. – М.: Юрист, 1996. – С.130-136
2. Вергилий. Буколики. Перевод С.В.Шервинского // Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. – М.: Художественная литература, 1971. – С. 29-61
3. Гесиод. Труды и дни. Перевод В.В.Вересаева // Гесиод. Полное собрание текстов. – М.: Лабиринт, 2001. – С.51-75
4. Монтень. Опыты //Кудрявцев О.Ф. Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. – М.:Юрист,1996. – С.317-321
5. Овидий. Любовные элегии. Перевод С.В.Шервинского // Публий Овидий Назон. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. – М.: Художественная литература, 1983. – С. 25-96
6. Овидий. Метаморфозы. Перевод С.В.Шервинского // Публий Овидий Назон.

Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. – М.: Художественная литература, 1983. – С.99-434

7. Паскаль. Мысли // Франсуа де Ларошфуко, Блез Паскаль, Жан де Лабрюйер. Суждения и афоризмы. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – С. 145-264

8. Сенека. Нравственные письма к Луцилию // Мыслители Рима. – М.: Эксмо-Пресс, 1998. – С.381-622

Литература

9. Природа в культуре Возрождения. Сборник статей. – М.: Наука, 1992. – 234 с.

10. Томан И.Б. Образы "золотого века" в культуре Европы и России // Диалог культур: Россия - Запад - Восток. Материалы Международной научно-практической конференции "Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIV Кирилло-Мефодиевские чтения". 14 мая 2013 года. Москва-Ярославль: Редмер, 2013. – С.83-89

11. Чернышов Ю.Г. Древний Рим: мечта о золотом веке. – М.: Ломоносов, 2013. – 240 с.

Статья опубликована в сборнике: Природа и человек в пространстве культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной году экологии в Российской Федерации, в Башкирском государственном университете 27 апреля 2017 года. Часть 2. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2017. – С. 110-115